

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

Проведен краткий анализ основных тенденций становящегося цивилизационного подхода в российской философии и социологии права. Сделан вывод, что доминирование в исследованиях персонцентризма не позволяет адекватно отразить сущность российской цивилизации, проблемы современных российских реформ. Сформулированы актуальные задачи социологии права в русле цивилизационного подхода.

Ключевые слова: цивилизационный подход, философия права, социология права, ценности.

Цивилизационный подход – опыт исследования и понимания общественной жизни на основе представлений о цивилизации (цивилизациях) – получает в последнее время все большее распространение в гуманитарной науке. Вслед за философами, историками, культурологами, впервые обратившимися к цивилизационным исследованиям еще в середине XIX в., с конца прошлого века в том или ином виде его реализуют социологи, а в начале века нынешнего он привлекает повышенное внимание представителей юридической науки, в том числе российской.

Как во всяких становящихся отраслях современного обществознания, дискуссионными остаются вопросы об отраслевой принадлежности философии и социологии права – к философской или юридической науке, о различении предметов философии и социологии права, отнесении социологии права к социологической или юридической науке и т. д. Не вдаваясь в детали этих дискуссий и тем более не претендуя на полноту анализа в данной статье нового, но весьма перспективного, на наш взгляд, цивилизационного подхода в этих междисциплинарных отраслях российского и мирового обществознания, отметим вначале, что среди исследователей преобладает мнение, что философия права нацелена на выявление и обоснование в праве *смысла* человеческого существования [Жуков, 2010б. С. 33], а со-

циология права, вне зависимости от принадлежности ее к социологической или юридической науке, исследует право как социальный институт, социальную обусловленность правоотношений в обществе, правового сознания разных социальных групп, социальные последствия правовых решений [Тадеев, 1998].

Предпосылки цивилизационного подхода в российской философии права содержатся в работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому», где впервые введено понятие культурно-исторического типа (цивилизации) и высказана надежда, что, в отличие от германо-романского «*двуосновного политико-культурного типа*, с преимущественно научным и промышленным характером культуры», «славянский тип будет первым полным *четырёхосновным культурно-историческим типом*» (синтез религии, культуры, политики и общественно-экономического строя). Касаясь вопроса «способен ли русский народ к свободе», «установлению правомерных отношений граждан между собою и к государству», Н. Данилевский отмечал: «Едва ли надо упоминать, что наши доброжелатели дают на это отрицательный ответ: одни – считая рабство естественной стихией русских, другие – опасаясь или представляясь опасаящимися, что свобода в руках их должна повести ко всякого рода

излишества и злоупотреблениям». Однако «черты русского народного характера, во всяком случае, показывают, что власть имеет для нас мало привлекательности», русскому человеку присущи «уважение и доверенность к власти, отсутствие в нем властолюбия» [Данилевский, 1981. С. 479, 487, 508]. Кроме иллюзий, в этих высказываниях есть много правды, подтвержденной историей, и «доброжелатели» русского народа, как будет показано ниже, и ныне так похожи на представленных в середине XIX в. Н. Данилевским.

Определенные зачатки цивилизационно-правовых идей содержатся в работах П. Я. Чаадаева, Н. Г. Чернышевского, К. Д. Кавелина и других философов и публицистов.

Впервые в современном российском правоведении цивилизационный подход к философско-социологическому исследованию прав человека применили участники творческого коллектива под руководством чл.-корр. РАН, зав. сектором прав человека Института государства и права РАН Е. А. Лукашевой. В контексте глобальных проблем современности и формирования универсальных стандартов прав человека ими показана специфика концепций прав человека в мусульманском мире, в китайской, индийской, японской цивилизациях, в странах Тропической Африки [Права человека..., 2002]. Философско-правовые и социолого-правовые аспекты цивилизационного подхода к проблеме прав человека в различных цивилизациях, включая российскую, на основе нормативно-ценностного измерения цивилизации получили дальнейшее развитие в монографии Е. Лукашевой «Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение [2009] и в ряде публикаций ее коллег.

Со взглядами Е. Лукашевой на счет универсальности стандартов прав человека в мировой цивилизации полемирует академик Н. Н. Моисеев, также рассматривающий тенденции развития российской цивилизации в системе координат «Восток – Запад» и в контексте глобализации [1998].

Теоретические аспекты цивилизационного подхода к философии и социологии права в его персоноцентрическом варианте наиболее полно представлены в отмеченных выше работах Е. Лукашевой и ее коллег, поэтому уделим им основное внимание. Рассматривая различные определения понятий «циви-

лизация» и «социокультурная система», она не дает своего определения данным понятиям, полагая, что «представители различных отраслей науки могут избирать метод исследования и определения признаков цивилизации в соответствии с природой изучаемых явлений. Для правоведения таким методом является нормативно-ценностное измерение, а предметом – право, права человека, *включенные в общую систему соционормативной регуляции* и в зависимости от ее характера приобретающие наряду с общими признаками правовых явлений своеобразие и специфическую значимость в общей системе цивилизационного устройства» [Лукашева, 2009. С. 7]. Выделяя в качестве важнейшего элемента права человека, Е. Лукашева считает, что именно они «раскрывают характер цивилизации, ее системостроительную или персоналистскую направленность, отвечая на главный вопрос: *человек для системы или система для человека?*» [Там же]. Поскольку право является одним из видов социальных норм, включенным, наряду с другими видами – политикой, моралью, религией, традициями, обычаями, – в общую систему социокультурной регуляции деятельности и общественных отношений, и эти все виды взаимодействуют, взаимодополняют друг друга, то в разных цивилизационных системах и на разных этапах их формирования имеют и имели место различные подходы к праву и правам человека. «Подчеркивая значимость “нормативного измерения” цивилизаций, – отмечает Е. Лукашева, – мы тем самым придерживаемся наиболее распространенного подхода к понятию цивилизации как социокультурной общности, формируемой на основе универсальных, т. е. сверхлокальных ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали, политики, права, искусства, науки» [Там же. С. 81]. Этот подход совпадает с нашим, используемым в исследованиях этносоциальных и цивилизационных процессов в России и Евразии [Россия как цивилизация..., 2008]. Конкретными исследованиями нами подтверждено ее мнение: «Цивилизационная универсальность стандартов, ценностей, символов возникает тогда, когда ее принимает большая часть общества, когда эти стандарты и ценности становятся ориентиром и смыслом действий населения той или иной цивилизации» [Лукашева, 2009. С. 81].

Правда, бóльшая часть российского общества и народов Центральной Евразии, как показано нами, принимает стандарт приоритета прав народов, а не прав человека.

Проведя всесторонние историко-философские исследования взаимосвязи права, религии, морали, политики, государственной власти в различных цивилизациях, Е. Лукашева и ее коллеги приходят к выводу, что хотя большинство государств мира формально приняли европейские стандарты прав и свобод человека, провозглашенные в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, все же в региональных (европейских, американских, исламских, африканских) конвенциях, декларациях, хартиях прав имеет место в действительности как различная интерпретация прав человека, так и различия в правовой жизни стран, принадлежащих к разным цивилизациям. Так, в Китае право базируется на философско-этических учениях (конфуцианство, легизм), в исламском мире правовое регулирование основано на религии (шариат), в Индии – на единстве религии и морали, в Японии – на традиционном «группизме», корпоративности, приоритете государственных интересов над личными. Азиатские и африканские общества системоцентричны, а не персонцентричны. В социокультурном комплексе европейской цивилизации право наиболее тесно связано с политикой, и лишь здесь политико-правовые доктрины основаны на идеях свободы, демократии, прав человека [Лукашева, 2009. С. 81].

Глубинные различия в ценностно-нормативных измерениях цивилизаций кроются, по мнению В. С. Степина, в том, что у людей помимо биологических программ развития есть еще социальные программы, тесно взаимодействующие друг с другом. Система нравов, традиций, привычек, образцов деятельности, предписаний «существует благодаря особой структуре, которая и выступает, и функционирует как своего рода геном социальной жизни», обеспечивающий сохранение и передачу от поколения к поколению базисных ценностей и нормативов цивилизации [2004. С. 76–77].

Аналогичных взглядов придерживается и Н. Моисеев, который вообще отрицает возможность «универсализации» прав человека, одинаково пригодных для людей всех цивилизаций. Отмечая, что «цивилизационным особенностям предстоит сыграть важ-

нейшую, решающую роль в трансформации общепланетарной ситуации», он основную опасность видит не в противопоставлениях отдельных цивилизаций, а «в представлении об универсальности цивилизации, в канонизации “этики протестантизма”, утверждающей существование избранности, и ее мерой – личный успех. Эта избранность дает право на исключительность – такая позиция уже вошла в сознание очень и очень многих европейцев и американцев... Я убежден, что возможности любой цивилизации, в основе которой лежит индивидуализм, представление об избранности, патологическая убежденность в собственном превосходстве и исключительности, исчерпаны!» Цивилизации надо не ранжировать, а сопоставлять по шкале «соотношение личностных и общественных начал, если угодно – индивидуализма и соборности в менталитете типичного представителя цивилизации. Это соотношение удивительно консервативно и сохраняется в народе в течение тысячелетий» [Моисеев, 1998. С. 106, 172, 174].

Каковы же характерные черты российской цивилизации в аспекте соотношения власти, права, прав человека? На основе анализа всех периодов российской государственности – от ранней (Киевская Русь) до современной (Российской Федерации) Е. Лукашева отмечает следующее: системоцентричность характера российской цивилизации, антиличностную ее направленность, «которая прошла через века и вошла в генетическую память народа, его поведение» [2009. С. 310]; государство как системообразующий элемент социокультурной системы российской цивилизации, самодержавие как суть государственной власти во все периоды [Там же. С. 314]; «покорность и непротивление при нарушении права со стороны человека – характерная черта общественного правосознания народа, доставшаяся нам в наследство от вековых антиличностных традиций» [Там же. С. 306], так как «смирения и покорности требовала от человека и церковь, и православие, занявшее своеобразное место в истории российской цивилизации» [Там же. С. 369]; подавление демократических начал в развитии российского общества [Там же. С. 359–366]; правовой нигилизм, истоки которого таятся в «седой старине», в «дурной наследственности» российской цивилизации [Там же. С. 341].

Констатируется, что «Россия сегодня не является правовым государством, равно как и в реальности права и свободы человека не стали высшей ценностью», что «общество дичает» [Лукашева, 2009. С. 343]. Причины этого – и в предшествующей истории, и в ошибках и просчетах реформаторов в первый период реформирования, и в политико-правовой культуре, менталитете народа, в традициях государственности и т. п. [Там же. С. 295–314]. Признается, что «правлящая верхушка, составляющая полпроцента населения, пыталась реформировать общество по своему усмотрению, без учета мнений остальных слоев населения» [Там же. С. 376], хотя «либеральные демократические идеи и принципы... в силу исторических обстоятельств чужеродны нашему обществу» [Там же. С. 306–307]. Тем не менее, настойчиво утверждается, что «без их массового усвоения, без правовых убеждений невозможно реформирование общества» [Там же. С. 307]. Иначе говоря, и реформирование, и либеральные правовые идеи определяются как императив. Такой императив (мол, иного не дано!) определяет мировоззренческую исследовательскую установку Е. Лукашевой и других либерально-ориентированных правоведов, что проявляется в принятии в качестве эталона, хотя и с оговорками, европейских норм права и прав человека. Но ведь возможны и иные цивилизационные подходы к данной проблеме, о чем свидетельствуют авторы работ так называемого «правового полицентризма», в том числе индийского философа права С. П. Синха (в частности, его публикации «Права человека: незападная точка зрения», «Неуниверсальность права» и др.). С. П. Синха считает, что «многообещающая система прав человека должна скорее приспособляться к всемирной множественности систем ценностей, чем бороться за формирование однородной системы для народов всего мира» [Права человека..., 2002. С. 323–324]. Аналогичный взгляд содержится в «Декларации о правах и достоинстве человека», принятой в 2006 г. X Всемирным русским народным Собором, в которой выражена необходимость отстаивания ценностей самобытной русской цивилизации, восстановления норм нравственности, разрушаемой европейскими стандартами прав человека [Там же. С. 56]. Резкой критике подвергает либеральную концепцию права и результа-

ты ее применения в реформируемой России С. Г. Кара-Мурза: «Главное отличие правовых систем двух типов общества – русского и западного – в отношении между *правом и этикой*» [2011. С. 81]. Определяя как генетически родственные традиции права Российской империи и советского права, он отмечает, что «в советском (традиционном) обществе человек является не индивидом, а членом общины. Он рождается не только с некоторыми личными, но и с неотчуждаемым *общественным* и социальным правом». Его здоровье, например, национальное достояние. Поэтому бесплатное здравоохранение рассматривается как естественное право. Оберегать его – обязанность государства [Там же. С. 88]. Аналогично естественным правом в советском обществе являлось и право на труд, образование.

Помимо либеральной ангажированности многим российским философам и социологам права свойственен антисоветизм. «В научном исследовании, – пишет Е. Лукашева, – оценки должны быть объективными – нравятся нам факты нашей истории или нет» [2009. С. 313]. Но трудно согласиться с ее интерпретацией советской эпохи как «черной дыры» в российской истории. Приведем лишь некоторые высказывания, которыми пестрят десятки страниц ее работ: «Главное состоит в том, что граждане нашей страны никогда не имели реальных прав, без которых жизнь человека обеднена, он всецело находится в зависимости от государства, определяющим в его поведении становится страх»; «общество, провозгласившее себя освободителем всего человечества от угнетения, подавляло человека, любые попытки проявления его самобытности, если они не вписывались в стереотип “нового советского человека”» [Там же. С. 280]; «избранный путь – огромная историческая трагедия» [Там же. С. 336]. На базе такой «объективности» невозможно ни понять, почему этот «бесправный» советский человек создал лучшую в мире систему образования и науки, победил в войне с фашизмом, первым шагнул в космос, внес решающий вклад в освобождение народов мира от колониальной зависимости, ни реализовать ее призыв к сохранению «несущих конструкций нашей цивилизации», к преодолению нынешней политической апатии людей, деградации общества, установлению гражданского консенсуса, обретению российской

цивилизацией персоналистской направленности.

Если Е. Лукашева все же включает советский период в общую историю российской цивилизации (как отрицательный урок), то ее коллега М. Супатаев пишет: «И как бы мы ни определяли строй, возникший после 1917 г. ... вряд ли по отношению к нему применимо понятие “российская цивилизация”» [2010. С. 8]. Правда, он признает приоритет социальной справедливости, духовно-нравственного согласия индивида с общественными и государственными ценностями, а не права в духовной традиции России [Там же. С. 9].

Изредка в трудах правоведов либеральной ориентации встречаются трезвые оценки советской эпохи и прав советского человека: «Но в советском государстве социальная сфера была неплохо развита: предоставлялось бесплатное жилье, обеспечивались работой все желающие, а дети – дешевыми (бесплатными. – В. К.) детскими воспитательными и образовательными учреждениями. Современная Россия во многом уступает в решении подобных вопросов советскому периоду» [Родионова, 2006. С. 100].

Общественное мнение россиян также оценивает положительно достижения советской власти. Так, социологический опрос, проведенный Р. Я. Рывкиной в 5 регионах по репрезентативной выборке в 2002 г., показал, что на вопрос «Нынешнее российское общество устроено более или менее справедливо, чем советское?» ответили: более справедливо – 19 %, менее справедливо – 57 %, осталось таким же – 11 %. А на вопрос «Почему российское общество устроено менее справедливо?» (допускалось несколько ответов) ответы распределились так: 1) усилились социальные различия между богатыми и бедными – 65 %; 2) снизилась социальная защищенность людей – 64 %; все решает узкая группа приближенных к власти – 44 %; общенародная собственность досталась немногим – 37 %; возникла безработица – 29 % и т. п. [Россия и россияне..., 2008. С. 68].

Сегодня эти оценки еще выше. Опрос телезрителей, проведенный организаторами телепередачи на канале ТВЦ 11 марта с. г. по теме «Когда закончится ностальгия по советской эпохе?», дал следующие результаты: ответили «мы навсегда останемся со-

ветскими людьми» – 86 %; «когда у России появится национальная идея» – 9 %; «со временем» – 5 %. Хотя мы разделяем подход В. Н. Жукова, что суть философского познания, включая осмысление государства и права, «состоит в том, что оно нацелено на выявление смысла и целей человеческого существования, т. е. носит мировоззренческий характер», что «истина в общественных науках напрямую зависит от ценностных установок исследователя» и что «либеральный миф мешает странам Запада реалистически взглянуть на формы жизни других народов и признать за ними право на самобытное (зачастую нелиберальное) развитие», трудно согласиться с его выводом о том, что «в настоящее время рассматривать государство и право в развитии, исторически ... с опорой на общественную практику как критерий истины стало *характерным* (курсив наш. – В. К.) для методологии историко-правовой науки» [Жуков, 2010б. С. 35–38]. Скорее становится, а не стало, по нашему мнению. Доминирует все же либеральная мифология. И «в современной постсоветской, либеральной России... принципы демократии, разделения властей, независимости суда, высшей ценности прав и свобод человека – просто красивые фразы, не имеющие связи с реальностью» [Жуков, 2010а. С. 29].

В русле цивилизационного подхода важное место занимает аксиологический аспект философии и социологии права. О. В. Мартышин относит анализ ценностей к пограничному с философскими и социологическими науками разделу философии права, очень важному для выработки правовых идеалов, правоприменения. В зависимости от понимания ценностей свободы, справедливости, равенства политиками и правоведами обосновывается та или иная концепция общественного устройства или преобразования [2004]. Проведя анализ соотношения различных видов ценностей, И. И. Кравченко, относя Россию к семье европейских стран, считает, что советское право в некотором отношении было одним из исторических этапов в развитии российского права и способствовало не только сохранению, но и упрочению правового менталитета народа, сложившегося на протяжении веков. «В России, – отмечает он, – правосознание было по преимуществу вторичным по отношению к мировоззрению, религии, морали... В обще-

ственном сознании россиян, равно как в российской общественной мысли, идея социальной справедливости... всегда прева-лировала над идеей свободы и права» [2005. С. 12].

Следует отметить, что персонцентризм в цивилизационном подходе к праву разделяют не все. Так, С. В. Поленина отмечает, что в мусульманском мире, например, иные представления о свободе, равенстве, справедливости, не совпадающие с европейскими. Они скорее относятся к социоцентристскому типу правовой культуры [2008. С. 38].

К социоцентристскому подходу относятся и исследования по коллективным правам (народов, социальных групп), в частности – по правам коренных малочисленных народов России и Севера [Кряжков, 2010; Тра-нин, 2010].

Если в философии права цивилизационный подход интенсивно развивается в последние годы, то в социологии права, определяющей свое место среди юридических и социологических наук [Саидов, 2006], он пока представлен некоторыми теоретическими парадигмами, а на эмпирическом уровне ограничивается в основном редкими исследованиями девиантного поведения, в основном молодежи.

Из теоретических исследований в социологии отметим в первую очередь развиваемую О. В. Бессоновой концепцию цивилизационных матриц, включающую представления об осях цивилизационного развития – формационной, институциональной и оси государственности [Россия и россияне..., 2008. С. 19–92].

Одной из важных задач социологии права, особенно прикладной, является изучение становления и функционирования правового сознания в различных обществах и его обусловленности объективными и субъективными факторами. Определенная информация по этому вопросу, в частности, получена нами в результате исследования этнических и цивилизационных аспектов систем ценностей народов Сибири, Казахстана, Монголии. Установлено доминирование у данных народов российской (евразийской) цивилизации ценностей коллективизма, стабильности, патернализма, достатка над ценностями индивидуализма, перемен, личного успеха, богатства; интересы народа для них важнее личных

интересов, долг важнее свободы. Крайне отрицательно отношение к частной собственности на землю, приватизацию заводов, фабрик, на введение платных услуг в здравоохранении и образовании. В то же время большинство (около 70 %) полагает, что надо соблюдать все законы, а не только те, которые кажутся справедливыми [Россия как цивилизация..., 2008]. Россию как цивилизацию создало все же не государство (понимаемое как власть), а ценности коллективизма, справедливости, патриотизма, духовности.

Цивилизационный подход в философии и социологии права делает только первые шаги, однако эвристические его возможности огромны как для понимания развития российской цивилизации в условиях глобализации, взаимодействия цивилизаций, так и для гуманизации правовой политики. В этом отношении можно сформулировать несколько актуальных задач российской социологии права, не претендуя на их полноту и иерархию.

1. Изучение правового сознания, отношения социальных и этнических групп к правовым актам, определяющим реформирование различных сфер жизни.

2. Кросс-культурные и международные исследования понимания ценностей свободы, справедливости, прав человека, прав народов.

3. Сравнительное исследование правового сознания, ценностей свободы, справедливости, демократии для различных социальных и этнических групп по отношению к современному российскому и советскому праву.

4. Изучение правового статуса науки, научных учреждений и сообществ в российской и иных цивилизациях.

5. Соотношение ценностей права, морали, науки, религии в мировоззрении народов России и других стран.

6. Евразийские ценности права.

Оптимальным способом реализации этих задач могла бы быть интеграция усилий философов, социологов, правоведов.

Список литературы

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1981.

Жуков В. Н. Право как ценность // Государство и право. 2010а. № 1. С. 21–34.

Жуков В. Н. Философское познание государства и права // Государство и право. 2010б. № 6. С. 31–40.

Кара-Мурза С. Г. Россия и Запад. Парадигмы цивилизаций. М.: Академ. проект, Культура, 2011.

Кравченко И. И. Политические и другие социальные ценности // Вопр. философии. 2005. № 2. С. 3–16.

Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010.

Лукашева Е. А. Человек, право цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009.

Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 1998.

Поленина С. В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. 2008. № 1. С. 37–43.

Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Под ред. Е. А. Лукашевой. М.: Норма, 2002.

Родионова О. В. Социальная функция государства: правовая сущность и проблемы

субъектов ее осуществления на современном этапе // Государство и право. 2006. № 8. С. 98–100.

Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008.

Россия как цивилизация: Сибирский ракурс. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008.

Саидов А. Х. Социология права: каков ее научный статус? // Социол. исслед. 2006. № 7. С. 97–103.

Степин В. С. Философия и цивилизация // Человек. Наука. Цивилизация. М., 2004.

Сулатаев М. А. Свобода и справедливость в российском праве // Государство и право. 2010. № 4. С. 5–11.

Тадевосян Э. В. Социология права и ее место в системе наук о праве // Государство и право. 1998. № 1. С. 46–53.

Транин А. А. Традиционное природопользование и соблюдение прав коренных малочисленных народов России // Государство и право. 2010. № 5. С. 22–28.

Материал поступил в редколлегию 10.03.2011

V. G. Kostyuk

CIVILIZATIONAL APPROACH IN CONTEMPORARY RUSSIAN PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY OF LAW

The author offers a brief analysis of the main trends in the development of the civilizational approach in contemporary Russian philosophy and the sociology of law. It is argued that domination of person-centrism in research doesn't allow to get an adequate reflection of the essence of Russian civilization and the problems of present-day Russian reforms. Some important tasks of the sociology of law concerning the civilizational approach are formulated.

Keywords: civilizational approach, philosophy of law, sociology of law, values.